

Кусов Геннадий Владимирович

КОНЦЕПЦИИ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЧАСТИ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Статья раскрывает теоретические подходы к типологизации интерпретационных моделей в исследовательской части судебной лингвистической экспертизы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/36.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 136-143. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Сами условия жизни, а не только политические идеи, заложенные в посланиях президента страны, заставляют людей объединяться, искать новые возможности участия в модернизации социальной, политической и экономической жизни, поскольку наличное государство зачастую не в состоянии разрешить противоречия и контролировать начатые им же процессы. В этих условиях государство должно проявить мужество и способности к вовлечению в публичность людей социально активных, умеющих подчинить свой частный интерес общественному, готовых нести гражданскую ответственность за судьбу страны.

Список литературы

1. Вебер М. Хозяйство и общество // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 805 с.
2. Гончаров Д. В. Теория политического участия. М., 1997. 208 с.
3. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? [Электронный ресурс]. URL: http://www.polisportal.ru/files/File/publication/1999-1-3-imond_Proshla_li_3_volna_demokratiza (дата обращения: 20.09.2011).
4. Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 37-43.
5. Даль Р. А. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. 576 с.
6. Даль Р. А. О демократии. М., 2000. 306 с.
7. Дарендорф Р. Благое общество // Дарендорф Р. После 1989: размышления о революции в Европе / пер. с англ. М.: Ad Marginem, 1992. 203 с.
8. Коэн Д. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / пер. с англ. М.: Весь мир, 2003. 784 с.
9. Луман Н. Власть. М., 2001. 256 с.
10. Сартори Д. Вертикальная демократия // Политические исследования. 1993. № 2. С. 80-89.
11. Содействие развитию институтов гражданского общества [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/admReform/publicsociety> (дата обращения: 27.09.2011).

INVOLVEMENT IN PUBLICITY AS STATE ADMINISTRATION INNOVATION IN RUSSIA

Tat'yana Aleksandrovna Kulakova, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Department of Political Administration
St. Petersburg State University
Koulakova812@mail.ru

The author determines the basic elements of public space – the open and accessible sphere of different social actors' interactions and analyzing current political and communication processes in Russia considers involvement in publicity as the basis for authorities and society interaction institutionalization.

Key words and phrases: involvement in publicity; public policy; public policy actors; civil society; administrative reform; openness; transparency; innovation.

УДК 643.9

Статья раскрывает теоретические подходы к типологизации интерпретационных моделей в исследовательской части судебной лингвистической экспертизы.

Ключевые слова и фразы: судебная лингвистическая экспертиза; имплицатуры языка; скрытый смысл; язык вражды; экстремизм; предмет исследования; протокол исследования; интерпретационная модель.

Геннадий Владимирович Кусов, к. филол. н.
Кафедра политологии и права
Кубанский государственный технологический университет
belokurs@yandex.ru

КОНЦЕПЦИИ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЧАСТИ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ©

Тема проблем речевого взаимодействия в правовом дискурсе остается актуальной и для теоретиков, и для практиков, занимающихся развитием теории судебной лингвистической экспертизы. Для реализации диагностических задач «объективности, всесторонности и полноты исследований», как того требует статья 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности» [17], в судебной лингвистической экспертизе оказывается недостаточным проведение только анализа речевого поведения коммуникантов. Для судебной лингвистической экспертизы эмоциогенных концептов лингвокультуры (оскорбление, клевета, угроза, ненависть, вражда и др.) является важным установить отношения между восприятием некоторого фрагмента текста и воздействием, которое этот текст оказывает на реципиента. Несомненно, что один и тот же текст может вызвать совершенно разные чувства у различных реципиентов.

Сопоставление результатов коммуникативной рефлексии происходит в рамках речевой интеракции: коммуниканты «составляют “свой мир” и “мир другого” прежде всего для оценки адекватности двух миров» [8, с. 19]. От степени совпадения двух картин мира зависит степень принятия или непринятия концептуальной и поведенческой программы другого, т.е. процесс развития/затухания коммуникативного конфликта. Помимо когнитивных пресуппозиций важнейшей составляющей коммуникативной компетенции собеседников является способность к выводному знанию, т.е. способность интерпретировать происходящее для извлечения «инферентного смысла» сообщения. Понятие «выводное знание» в значительной мере взаимодействует с понятиями импликации, пресуппозиции, внутреннего контекста, фоновых знаний [9, с. 267]. В качестве имплицитной посылки в логике рассматривается посылка, не произносимая, но подразумеваемая в умозаключении; имплицитным называется нечто, неявно содержащееся в чем-либо.

В прецедентном праве англоязычной лингвокультуры прочно устоялся термин «hate speech», используемый для любых вербальных форм проявления социальной нетерпимости и разжигания межнациональной розни. Еще в 1997 году Комитет Министров государств-участников Совета Европы по вопросу противодействия разжиганию социальной ненависти принял рекомендацию № R(97)20 по борьбе с разжиганием ненависти [20]. В этом документе, призванном ограничить распространение ненависти, термин «hate speech» определяется как понятие, «покрывающее все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации и враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями».

Согласно статье 19 Конституции Российской Федерации государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности [11].

Исходя из положений примечания 2 к статье 282¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, к числу преступлений экстремистской направленности относятся преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ (например, статьями 280, 282, 282¹, 282² УК РФ, пунктом «л» части 2 статьи 105, пунктом «е» части 2 статьи 111, пунктом «б» части 1 статьи 213 УК РФ), а также иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с пунктом «е» части 1 статьи 63 УК РФ признаются обстоятельствами, отягчающими наказание [23].

Согласно п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г. «в необходимых случаях для определения *целевой направленности информационных материалов (выделено автором)* может быть назначено производство лингвистической экспертизы. К производству экспертизы могут привлекаться, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.). В таком случае назначается производство комплексной экспертизы» [18]. Смысловая насыщенность концептов лингвокультуры довольно-таки обширна, поэтому определение в Постановлении Пленума Верховного Суда типологии интерпретационной модели для исследовательской части судебной лингвистической экспертизы произошло впервые. Судебная власть в виде анализа правоприменительной практики и вынесения рекомендаций по ее применению «указала» на то, что она хотела бы «видеть» в заключении эксперта-лингвиста. К сожалению, пока теория судебной лингвистической экспертизы переживает период накопления эмпирических знаний, поэтому построение интерпретационных моделей для остальных видов лингвистических экспертиз находится в состоянии дискуссионного поиска.

Большинство ученых считают, что предметом судебной экспертизы являются факты, обстоятельства (фактические данные), устанавливаемые посредством экспертизы [1, с. 73]. Раскрыть содержание предмета каждого вида экспертизы – это значит «определить пределы и основные черты методики экспертного исследования, компетенцию экспертов различных специальностей, характеристику объектов, которые могут быть исследованы с помощью экспертизы данного вида» [25, с. 20]. В. М. Галкин отмечает, что конкретный «предмет экспертизы определяется вопросами, формулируемыми в постановлении (определении) о назначении экспертизы» [7, с. 26]. Определение предмета конкретного вида экспертизы – понятие видовое: для судебной лингвистической экспертизы – это истинность «агональных» выводов [4]; или в более обобщенном виде – аргументированная манифестация доминантных (ключевых) смыслов.

Придание четкой регламентации, т.е. формы «протокола» научно-исследовательской части судебной лингвистической экспертизы позволит снизить количество «интерпретационных шумов» и в конечном итоге повысить обоснованность мотивировочной части судебного приговора (решения). Под *протокольной частью* судебной лингвистической экспертизы понимается обязательная «демонстрационная» аргументирующая часть заключения эксперта. Поэтому на современном этапе развития лингвистической экспертологии под предметом судебной лингвистической экспертизы признается регламентированная процедура научного отображения и документирования фактических данных (речевые доминанты, ключевая информация), которые «депонированы» в *информационном фокусе* [8, с. 24] объекта исследования (фраза, текст, произведение и т.д.).

Судебную экспертизу характеризуют категории правовых отношений, возникающих из процессуальных действий и конкретной правовой ситуации. Экспертиза является элементом процесса доказывания. В соответствии с правовой доктриной доказательствами в таких процессах являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых субъект, принимающий решение, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования или возражения сторон (заинтересованных лиц), а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения ситуации и принятия решения [16, с. 30]. К доказательственной относят информацию, имеющую отношение к предмету доказывания, допускаемую законом и существенную с точки зрения предмета доказывания.

Важнейшая проблема теории доказывания – проблема обоснованности и достоверности вывода о тождестве. Несмотря на случайный характер появления признаков у единичных объектов, при массовых испытаниях обнаруживается закономерность, заключающаяся в тенденции к сохранению устойчивой частоты встречаемости признаков [3, с. 339]. Таким образом, наблюдается объективное свойство идентификационных признаков, состоящее в существовании определенной степени возможности их проявления в большой совокупности однородных объектов, т.е. их вероятности. При экспертной идентификации результаты могут выступать в форме категорических выводов (*вор*), имеющих безусловное доказательственное значение, и в форме выводов вероятных, играющих роль ориентирующей информации (*нечистоплотный на руку человек*). Экспертная идентификация – это отождествление, осуществляемое с использованием специальных познаний при производстве судебных экспертиз.

Как считает К. И. Бринев, с исследовательской же точки зрения типы выводов выделяются на основе соотношения принятой в исследовании теории и «входной» эмпирической информации. Так, например, вероятностные выводы противопоставлены категорическим в аспекте логического следования каких-либо утверждений теории. Выделяют два типа следования: а) первый тип – истинность посылок необходимо гарантирует истинность заключения (необходимо истинные выводы), б) второй тип – истинность посылок не влечет необходимой истинности заключения, заключение может быть как истинным, так и ложным [4, с. 18]. К. И. Бринев предложил в судебной лингвистической экспертизе применять типологию экспертных задач (описательный уровень экспертизы) и пределы компетенции лингвиста-эксперта, которые определяют возможность лингвистики как области специальных познаний описывать или – в другом аспекте – устанавливать факты на основе «эссенциалистского принципа теоретизирования» [Там же, с. 10].

Таким образом, научная основа «протокольной» части судебной лингвистической экспертизы должна разрешать не «спор» по поводу предоставленного «текста», а аналитическим путем выводить экзистенцию лингвистических индексов тождества кодифицированного социального запрета, не раскрывая квалификационных признаков правовой нормы, т.е. не вмешиваясь в правоприменительный процесс. Впервые в п. 23 Постановления № 11 от 28 июня 2011 г. Пленум Верховного Суда указал, что «при назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды» [18].

Субъективность выбора метода исследования – в конечном итоге субъективность интерпретационных выводов заключения судебной лингвистической экспертизы на сегодняшний день остается проблемой номер один. При принятии «Правил проведения судебной лингвистической экспертизы», которые разрабатываются в лаборатории лингвистики ЛГУ, необходимо ввести корпоративные нормы, запрещающие при «неоднозначности выводов» принимать эксперту решение за правоприменителя «вынесением» категоричного однозначного ответа, и обязать эксперта дополнять «интерпретационные гипотезы» в виде особого мнения (право эксперта на демонстрацию «когнитивной авидности»: это степень специфической близости семантического тождества когнитивного ядра к интерпретационной детерминанте). Такое положение объясняется неразвитостью терминологического аппарата теории судебной лингвистической экспертизы и многоаспектностью информации, извлекаемой интерпретатором из сообщения. Как указывает К. А. Переверзев, «то, что можно назвать “ситуацией”, не сводится к сумме “сырых” фактов, действий, состояний, процессов или событий. Лингвистике должны быть малоинтересны данные “беспристрастной” действительности: она рассматривает мир в модальности субъекта. Онтологией языка является не то, что обретается “за окном”, а то, что конструируется (концептуализуется) языком – а также, при участии языка, его носителями и нами, лингвистами, – в этом законном пространстве. Взгляды субъекта на мир многообразны» [19, с. 26].

Проблема номер два в лингвистической экспертизе: слабым местом в диагностике оценочных суждений (оскорбление, клевета, угроза, порицание, ложь, ненависть и т.д.) является то, что прямой антагонист «негативного» концепта, например «порицание», не имеет реального, онтологического существования – есть лишь моральные нормы и представления об идеале (о должном и справедливом) в правосознании или в сознании носителей лингвокультуры – того, чего не должно быть. «Похвала» – это лишь субъективное одобрение правильного поведения. Результат иллокутивного речевого акта «оскорбление» можно осознать; а сам моральный идеал реально недостижим, т.к. он не имеет фиксированного источника (формы) «регистрации материнской матрицы». В речевом акте «оскорбление» эта «материнская матрица» не вокализируется, но она преподносится уже во «взломанном» состоянии (фактуализация действительности), где адресат преподносится как «взломщик» (субъект-нарушитель). Хотя моральный идеал всеми признается как стандарт правильного, нормативного поведения, в оценочных суждениях, употребляемых в речи, нет прямых «прецедентных» ссылок, т.к. «первоисточник

мононормы» в современном массовом сознании носителей лингвокультуры не «кодифицирован». При оскорблении моральная сущность идеала манифестируется только в непристойном сравнении как часть перлокутивного эффекта. В судебной лингвистической экспертизе раскрыть сущность речевого акта «оскорбление» можно только при помощи интерпретационных моделей, передающих «инкорпорированность» социального запрета.

Сама суть «идеального» поведения как семасиологическая сущность в достаточной мере невнятна. Что есть справедливость, как определить ее меру? Универсальной справедливости – справедливости для всех – не существует, «у каждого своя правда». Единственная возможная ее «мера» – это «неотчуждаемые права человека», сформулированные в понятии естественного права, которое само по себе «чрезвычайно трудно для определения» [6, с. 34]. Сознание фиксирует код отрицательного концепта (силу синергетики слова); доказать сущность несправедливости анализом семантического словоупотребления – почти невозможно.

В исследованиях социологов и психолингвистов встречаются термины «язык вражды», «язык конфликта», «вербальная агрессия» [5; 15; 24]. Однако наличие языка вражды в исследуемых работах определялось чисто субъективно. Авторы исходили из того, было бы им самим неприятно прочесть подобное высказывание об этнической или религиозной группе, к которой они себя причисляют. Таким образом, субъективность в данном вопросе неизбежна. Особенно это проявляется в случаях, когда в тексте отсутствуют эксплицитные вербальные маркеры агрессивности, такие как непосредственные призывы к насилию, дискриминации, обсценные слова и др. Вообще стоит отметить, что в «чистом» виде тексты ненависти в институциональной коммуникации встречаются по большей части в Интернете на экстремистских сайтах, которых, в принципе, не так уж и много. В остальных случаях ненависть при помощи приемов «коммуникативной инженерии» искусно вуалируется создателями текстов, чтобы их не могли обвинить в распространении вражды.

Термин «язык вражды» вызывает некоторую критику еще и в том плане, что слово «язык» невольно относит исследователя к изучению формальных, по большей части лексических средств. При этом когнитивные аспекты продуцирования и рецепции текста выпадают из поля зрения. В этой связи для изучения языковых форм реализации нетерпимости и их воздействия на реципиента вводится понятие «дискурс ненависти». По определению Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова, дискурс – это «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста ещё и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [10, с. 7]. Ненависть при этом выступает, с одной стороны, как социализированное чувство, а с другой – как синоним таких понятий, как «нетерпимость», «предубеждение», «агрессия».

Многоаспектность информации, извлекаемой интерпретатором из каждого высказывания, определяется многочисленными составляющими совокупного смысла. Как отмечает А. В. Алферов, «экспликативное перечисление составляющих “смысла” заняло бы не одну страницу, учитывая, что за языковой (дискурсивной) составляющей (фонетика, синтаксис, лексика, стилистика и риторика, модальность, эмоциональность, оценочность, интертекстуальность, фатическое оформление и т.д.) стоят когнитивная составляющая (референция и фактуальная идентификация, истинность и ложность пропозиции, ее новизна и значимость, пресуппозиции и “фоновые знания”, импликация и инференция и т.д.), регулятивная составляющая (интенциональность и иллюкутивность, аргументативность и перлокутивность, эффективность, суггестивность, уместность, речевая деонтология и т.д.), институциональная составляющая (этнолектная, идиолектная и социолектная идентификация, межличностная ориентация и самооценка, иерархичность и полномочность, пара-вербальные и психосоматические манифестации и т.д.)» [2, с. 9]. Для установления стратегической иерархической типологии информации лингвисты, занимающиеся проблемами теории судебной лингвистической экспертизы, пытаются смоделировать пространство речевого взаимодействия, отражающее структуру и механизм формирования когнитивного (информационного) ядра речевой интеракции через анализ *коммуникативных мишеней* речевого акта [12, с. 218].

В теории судебной лингвистической экспертизы, как и в филологии, философии и психологии, много говорится о первичной роли фактов языка как средства концептуализации мира в установлении номенклатуры, структуры и способов связи онтологических объектов. Высказывание как единица коммуникации есть отражение определенной предметной ситуации. Проблема «высказывание и ситуация» постоянно возникала в лингвистике, философии, логике, философии языка и логическом анализе и не перестает беспокоить специалистов названных областей. За длительную историю постановки этой проблемы наметилось несколько путей ее конкретизации, связанных с решением следующих комплексов проблем: общие принципы концептуализации действительности и вопросы онтологии – предметной области приложения естественного языка; понятия «мир», «ситуация» в философском, логическом и лингвистическом аспектах, формы проявления этих понятий в языке и их эвристическая ценность как элементов метаязыка философской логики, философии языка и лингвистики; особенности восприятия и фактор знания (информированности) о действительности в формировании высказывания и его связи с ситуацией (миром); вопросы референции предложения, его компонентов и производных от него имен и конструкций; проблема истинности высказывания и вопросы тождества [19].

Без построения типовой интерпретационной модели судебной лингвистической экспертизы невозможно раскрыть тождество дискурсивной реализации речевого акта диспозиции правовой нормы (одинаковость для каждого случая правоприменения), т.к. в сознании носителей лингвокультуры преобладают «фантомные» (ассоциативные) представления о социальном запрете. Эксперт-лингвист не обязан заниматься философскими поисками форм бытования научной истины, т.к. судебная лингвистическая экспертиза – это не механизм для перманентного осуществления научных открытий, но это согласно ст. 2 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» процессуальный путь добывания судебных доказательств при помощи «специальных знаний в области науки, техники, искусства и ремесла» [17].

Окружающий мир оценивается адресантом не с точки зрения того, как он устроен вообще, безотносительно к участникам процесса общения, а с точки зрения значимости, полезности или неполезности предметов и отношений реального мира применительно к задаче знаковой координации речевого взаимодействия средствами языка. «Поэтому о языковых выражениях, используемых в речевом общении, неуместно говорить как об истинных или неистинных, но корректно говорить как об интерактивно уместных или интерактивно неуместных. По этой же причине закон семантического отбора состоит не в гносеологической адекватности избираемого значения, а в его интерактивно-деятельностной сопряженности адекватности» [21, с. 189].

В диалоге слова и словосочетания употребляются с их значениями не потому, что их значения соответствуют действительному положению дел в референциальной ситуации диалога, а потому, что это слова с их значениями способны, согласно пониманию адресанта, сформировать в психике партнера по общению значения и смыслы, в которых заинтересован говорящий. В судебной лингвистической экспертизе без типовой интерпретационной модели невозможно достигнуть требуемого научного рефлексированного вывода. Например, отсутствие типовой интерпретационной модели (см. методику элиминации ложных гипотез [13, с. 87]) в исследовательской части судебной лингвистической экспертизы оскорбления не дает возможности правоприменителю на адекватное моделирование ее вопросной конструкции из-за семантической и интерпретационной насыщенности лингвокультурного концепта «оскорбление».

Ближайшими ассоциациями к ядру концепта выступают семантические связи и паремиологические, а дальними – парадигматические. На основании метода реконструкции элементов правовых норм из представлений, полученных тестируемым путем, и экспериментального тестирования (опроса информантов) был проведен анализ ассоциативной стороны лингвокультурного концепта «оскорбление» и был сделан вывод [14], что в обыденном сознании представителей русскоязычной лингвокультуры присутствует смешанный тип представлений об оскорблении, который образовался в результате распространения правовых знаний (школа, СМИ, кинофильмы, художественная литература, специальная литература), воспринятый в процессе социализации и отраженный индивидуальным сознанием в значениях оскорбления как социально осуждаемого проявления неуважения и недружелюбности.

С одной стороны, в обыденном сознании представителей русского этноса под оскорблением понимается вид агрессивного поведения, направленного на подавление «внутреннего мира» другого человека, с другой – оскорбление принимает юридическую форму «бытования», смоделированную обыденным сознанием в особые ассоциативные формы (т.е. в обыденном сознании «оскорбление» описывается при помощи лексики, которая содержится и в текстах права). Таким образом, концепт «оскорбление» в парадигматическом отражении обыденным сознанием представителей русского этноса воспринимается через свои правовые «атрибуты» – через унижение чести и достоинства личности.

Итак, интерпретационные группы толкования ассоциативных связей оскорбления распределились следующим образом:

- вмешательство в *приватную сферу жизни человека* (43%) (оскорбление – это «унижение собственного Я», «ущемление чувств собственного достоинства», «ущемление личных достоинств», «ущемление свободы», «принижение личных качеств человека», «унижение умственных качеств личности», «унижение в любом виде», «действия, приводящие к чувству дискомфорта», «негативное воздействие одной личности на другую с целью унижения ее собственного «Я» и т.д.);

- вид *асоциального речевого поведения* (27%) (оскорбление – это «словесное унижение», «высказывание неприличных слов», «унижение посредством речевого контакта», «ненависть, выраженная устно», «сообщение лицу фактов в резкой форме», «нанесение моральной травмы лицу путем высказываний»);

- причинение *морального вреда* или нанесение обиды (12%) (оскорбление – это «преднамеренная обида, насмешка», «попытка обидеть», «нанесение обиды, задевающей самолюбие»);

- вид *агрессивного поведения* (6%) (оскорбление – это «негативное воздействие одной личности на другую», «попытка одного человека повысить свою самооценку за счет другого»);

- проявление *неуважения* в виде «негативных чувств и ненависти» (3%) (оскорбление – это «выражение чувств человеку, который тебе не нравится»);

- ассоциативные связи, находящиеся *на периферии* от ядра (9%) (реакция на несправедливость – «обвинение человека в том, что он не делал, кем не является»; индивидуальная интерпретация-сравнение – «дуэль, пощечина» или противопоставление «Пушкин – Дантес, Лермонтов – Мартынов, Жириновский – Немцов», «поступок, который может поставить человека в неловкое положение», «публичное уничтожение»).

В обыденном сознании сформировался четкий стереотип невмешательства в сферу личных интересов человека, затрагивающих его «собственное Я» или «внутренний мир», что, собственно, и соответствует современным представлениям о правах и свободах личности, гарантированных естественным и кодифицированным правом (ст. 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [11]).

Оскорбление всеми респондентами воспринимается как вид агрессивного поведения («негативное воздействие одной личности на другую»), направленного на изменение социального статуса человека (как цель оскорбления: «с целью унижения ее собственного Я»). В обыденном сознании, как это видно из ответов информантов, желание существенного изменения положения человека выражается в основном в словесной форме (87%), реже – в форме физического воздействия (13%).

В обыденном понимании оскорбление воспринимается как вид действий (некоторые информанты видят сущность оскорбления в проявлении «действий, ведущих к возникновению чувства дискомфорта», и не делают различия между оскорблением как эмоциональным состоянием и действиями, направленными на нанесение оскорбления) – словесных (вербальных) или физических: «действия лица (лиц), когда тебя избивают», приводящие к моральному унижению и чувству дискомфорта лица, над которым совершаются эти действия»; «ущемление свободы личности каким-либо образом там, где не понимается свобода другой личности».

При анализе ответов информантов четко прослеживается линия, направленная на описание «адресности» оскорблений, т.е. в обыденном сознании оскорбление понимается как негативная информация, направленная в чей-то адрес, а не вообще преподносимая негативная информация, высказанная так, между прочим: «выражение чувств словами человеку, который тебе не нравится»; «словесное унижение одного человека другим»; «грязь, «бескультурье» того, от кого исходит эта грязь»; «высказывание неприличных слов в чей-то адрес»; «нехорошие слова в адрес кого-либо»; «неприятные слова в чей-либо адрес».

Ассоциативный анализ раскрывает понятие оскорбления в обыденном сознании без обращения к правовой терминологии в ее сущностном смысле. Обобщенные примеры ответов по этому типу понимания оскорбления были разбиты на следующие подгруппы без качественного сравнения с общими показателями в процентном соотношении из-за большого шага разброса ассоциативного понимания оскорбления в обыденном сознании.

1. Оскорбление приравнивается к эмоционально-экспрессивной *форме подачи информации* или выражается «заниженной» лексикой: оскорбление в таком понимании – это «когда один человек, употребляя грубые слова, отзывается о другом», «когда тебя обзывают нецензурными словами», т.е. это резкая, неприличная форма выражения информации, сообщение лицу фактов в «резкой форме, употребление нецензурных слов»; «высказывание неприличных слов в чей-либо адрес»; «неприятные слова»; «слова, вызывающие «мандраже»; «нехорошие слова в адрес кого-либо»; «неприятные слова в чей-либо адрес»; «слова, вызывающие неприятное ощущение».

2. Явление более общего порядка, когда оскорбление переходит в стойкое *чувство несправедливой обиды*: оскорбление – это «когда ты чувствуешь обиду и несправедливость», «когда ты слышишь в свой адрес плохие слова, чаще всего необоснованные», «когда неправильно обижают человека, негативно воздействуя на его психику».

3. Смутное чувство *досады*, т.е. разновидность обиды-разочарования, сожаления о том, что все прошло не так, как хотели: оскорбление – это «чувство, которое возникает в результате недопонимания», «когда в твой адрес высказываются не очень вежливо (некорректно)».

4. Выражение *антипатии*, личной неприязни кому-либо: оскорбление – это «выражение чувств словами человеку, который тебе не нравится», «когда тебя заставляют делать то, чего ты не хочешь».

5. Реакция на *несправедливое обвинение* в чем-либо: оскорбление – это «прямое или косвенное обвинение человека в том, что он не делал, кем он не является», «когда человека обвиняют неправомерно в чем-либо, не давая ему высказаться в защиту», «речевая реальность, не соответствующая действительности», «когда одно лицо обвиняет (упрекает) другое лицо в действиях с его точки зрения».

6. *Негативная номинация*: оскорбление – это «умышленное принижение личных качеств человека, попытка выставления идиотом или когда ставят в глупое положение»; «унижение умственных качеств личности».

7. *Критика* кого-либо: оскорбление – это «прямое или косвенное указание или упоминание о неправильности поведения или действий человека, наблюдаемых в процессе его деятельности», «когда один человек в беседе или в своих поступках дает понять другому, что он ничто», «когда человек воздействует на другую личность, ее систему взглядов на вещи, дает негативную оценку ее поступков», «когда ты слышишь то, что тебя возмущает, и это оскорбляет», «когда тебе высказали свое недовольство».

8. *Отрицательное воздействие извне* на личность: оскорбление – это «негативное воздействие одной личности на другую с целью унижения ее собственного Я», «когда тебя трогает общество, в котором ты не нуждаешься», «когда личность ставят в положение, в котором она считает себя морально униженной», «когда человека обвиняют или оговаривают, когда его действия могут быть двояко истолкованы в худшую сторону при стремлении человека сделать что-то хорошее».

9. *Завышенные требования* к поведению человека и, следовательно, к оценке оскорбления, вид нарушения морально-этических норм общественного поведения, например, оскорбление – это «поступок, который может поставить человека в неловкое положение, т.е. унижить»; «оскорбление – грязь, бескультурье того, от кого исходит эта грязь», «проявление неуважения к лицу», «неуважение», «плохое отношение к человеку», «неуважение личности».

10. Вид «морального» *истребления соперника*, стирания с лица земли, психическое подавление личности человека: оскорбление – это «публичное “уничтожение”», «когда оскорбляющий пытается унижить другого человека обычно прилюдно».

11. Проявление *вербальной дискриминации* – это «когда человек говорит о тебе хуже, чем ты себя считаешь и есть на самом деле, при этом он пытается возвысить себя», «когда человека опускают», «когда человека намеренно унижают, обзывают, необоснованно указывают на личное превосходство», «когда не считают за человека».

Приведенные выше ассоциативные представления обыденного сознания отличаются от научного знания неполнотой, непоследовательностью и неопределенностью. Именно формальная неполнота обыденного сознания по сравнению с квалификационной определенностью правовой нормы маскирует ассоциативные представления об оскорблении под чувственно-образную индивидуальную интерпретацию. Ассоциативное

многообразии концепта «оскорбление», представленное в сознании носителей лингвокультуры, дает лишь право на возбуждение судебного разбирательства; определение типологического тождества речевого явления диспозиции правовой нормы посредством «перевода» специальной терминологии в аргументированные выводы – задача судебной лингвистической экспертиологии.

Развитие общей теории судебной лингвистической экспертизы позволит отойти от предписательного подхода в решении экспертных задач, когда «аппроксимативная» совокупность лингвистических фактов признается за диагностическую методику «истинного оскорбления», «истинной угрозы», «истинного экстремизма», «истинной вражды» и т.д. Попыткой отказа от «метода аппроксимативного подхода» необходимо признать «Типовую методику судебной лингвистической экспертизы ЭКЦ МВД России» [22], которая впервые обобщила типовые варианты выводов и их рамочные формулировки.

Успех лингвистической экспертизы зависит от корректности вопросов, поставленных перед экспертом-лингвистом, и от типологических схем (сценариев) диагностического решения спорных речевых ситуаций. Новый уровень общетеоретического осмысления интерпретационных моделей судебной лингвистической экспертизы, включающий специальный терминологический аппарат («коммуникативная инженерия», «когнитивная avidность», «социальная оценка в судебной лингвистической экспертизе», «инферентный смысл», «мнимое оскорбление», «коммуникативный троллинг», «коммуникативная перверсия», «какова символика социальных ценностей, аргументирующих речевой акт (одобряемые, неодобряемые, значимые, несущественные, ложные)?», «содержатся ли в тексте выражения или лексические единицы, содержащие негативную или мелиоративную номинацию? кому адресована данная номинация?», «коммуникативная мишень», «какова целевая направленность фразы, выражения?» и др.), позволит в судебной лингвистической экспертизе снизить субъективность влияния «человеческого фактора» в важном процессуальном действии.

Список литературы

1. **Аверьянова Т. В.** Судебная экспертиза: курс общей теории. М.: Норма, 2009. 480 с.
2. **Алферов А. В.** Когнитивное пространство интеракционального дискурса // Текст: проблемы смыслопорождения, перевода, преподавания: материалы II международной научной конференции. Пятигорск, 2007. С. 7-11.
3. **Белкин А. Р.** Теория доказывания: научно-методическое пособие. М.: Норма, 1999. 429 с.
4. **Бринев К. И.** Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: автореф. дисс. ... докт. фил. наук. Кемерово, 2010. 42 с.
5. **Верховский А. М.** Язык мой...: проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: РОО «Центр “Панорама”», 2002. 200 с.
6. **Воркачев С. Г.** Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре: монография. Волгоград: Парадигма, 2009. 190 с.
7. **Галкин В. М.** Оценка заключения эксперта при судебном разбирательстве уголовного дела // Советская юстиция. 1970. № 18. С. 24-27.
8. **Гюрджян Н. С.** Речевые манифестации когнитивного конфликта в диалоге: дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2008. 198 с.
9. **Залевская А. А.** Введение в психолингвистику. М.: Изд-во РГГУ, 2000. 382 с.
10. **Караулов Ю. Н., Петров В. В.** От грамматики текста к когнитивной теории дискурса: вступ. статья // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ. М.: Прогресс, 1989. С. 5-11.
11. **Конституция Российской Федерации:** принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Сборник законов Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 1 октября 2010 года. М.: Эксмо, 2010. С. 3-15.
12. **Кусов Г. В.** К вопросу о принципах организации и проведения судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика общественного развития: научный журнал. Краснодар, 2011. № 4. С. 213-219.
13. **Кусов Г. В.** Общие и частные задачи криминалистического обеспечения лингвистической экспертизы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. III. С. 84-89.
14. **Кусов Г. В.** Оскорбление как иллюкутивный лингвокультурный концепт: дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 245 с.
15. **Муравьева Н. В.** Язык конфликта. М.: Изд-во МЭИ, 2002. 264 с.
16. **Нестеров А. В.** Основы экспертной деятельности: учеб. пособие. М.: Изд. дом Гос. ун-та «Высшая школа экономики», 2009. 167 с.
17. **О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации:** Федеральный закон Российской Федерации // Судебная экспертиза: сборник документов / сост. Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. М.: Проспект, 2010. 160 с.
18. **О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности:** Постановление Пленума Верховного Суда от 28 июня 2011 г. // Российская газета. Федеральный выпуск. 2011. 4 июля.
19. **Переверзев К. А.** Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 24-52.
20. **Рекомендация Кабинета Министров Совета Европы № R(97)20 по вопросам «разжигания ненависти»** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mmdc.ru/dir13/dir32/> (дата обращения: 03.09.2011).
21. **Сидоров Е. В.** Онтология дискурса. Изд-е 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 232 с.
22. **Типовая методика судебной лингвистической экспертизы:** методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2007. 69 с.
23. **Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ** // Полный сборник кодексов Российской Федерации: с изм. и доп. на 1 октября 2010 г. М.: Эксмо, 2010. С. 1140-1201.
24. **Черкасова М. Н.** Речевые формы агрессии в текстах СМИ: монография. Ростов-на-Дону: Рост. гос. ун-т путей сообщения, 2011. 123 с.
25. **Шляхов А. Р.** Предмет некоторых видов судебной экспертизы // Вопросы криминалистики. М., 1963. № 8-9. С. 19-39.

INTERPRETIVE MODELS CONCEPTIONS OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE RESEARCH

Gennadii Vladimirovich Kusov, Ph. D. in Philology
*Department of Political Science and Law
Kuban' State Technological University
belokurs@yandex.ru*

The author reveals theoretical approaches to interpretive models typology in forensic linguistic expertise research.

Key words and phrases: forensic linguistic expertise; language implicatures; undermeaning; hate speech; extremism; object of research; research protocol; interpretative model.

УДК 377.5

В статье освещаются актуальные проблемы профессионального образования в аспекте успешного трудоустройства выпускников, приводится теоретическое обоснование системы педагогического сопровождения профессиональной адаптации.

Ключевые слова и фразы: профессиональная адаптация; микросоциум; адаптивные механизмы; полимотивация; «Я-концепция».

Сергей Владимирович Кучерявенко, к. филос. н.
*Кафедра экономики и автоматизированных систем управления
Юргинский технологический институт (филиал) Томского политехнического университета
serg_kuch60@mail.ru*

Марина Анатольевна Суздalова
*Кафедра гуманитарного образования и иностранных языков
Юргинский технологический институт (филиал) Томского политехнического университета
darya-blond@mail.ru*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ АДАПТАЦИИ УЧАЩИХСЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ К РЫНКУ ТРУДА©

В. С. Ротенберг и В. В. Аршавский, рассматривая проблему адаптации и адаптивности, обращают внимание на то, что адаптивность становится практически единственным условием выживания живого организма в природной среде, и, на основе исследования биологической сферы окружающего мира, утверждают, что способность к адаптивности этим организмам имманентно присуща. Человек не только не составляет исключения, он обладает преимущественными формами адаптивности постольку, поскольку обладает и мышлением. То есть, он становится не только объектом воздействия на него внешнего мира, но и сам может организовывать этот мир вокруг себя в любой доступной ему культурной деятельности. Степень адаптивности определяется степенью организованности, пониманием форм, методов, способов, приемов, определяющих характер взаимодействия человека с обществом, общества с окружающей средой. Авторы демонстрируют также, что высокий уровень трудностей, предлагаемый внешним миром, равно, как и их низкий уровень, могут вызывать так называемую «воспитанную беспомощность» [3, с. 154], ведущую к разрушению процесса адаптации, отказу от необходимых действий и, в конечном счете, к деструкции.

Проблемы адаптации человека, его возможности активно осваивать среду во всех её сферах – социальной, экономической, политической, духовной – выходят на первый план в последние десятилетия, причём проблема эффективности профессиональной адаптации человека особенно актуальна. Современному обществу в новом тысячелетии требуется новый специалист, по сути, гибкая адаптивная личность с высокой степенью внутренней устойчивости, способностью к саморазвитию, стремлением к самообразованию и самосовершенствованию, умением ориентироваться в огромном потоке информации и профессионально самообновляться.

На производстве молодой специалист попадает в новые для себя условия, связанные с определёнными профессиональными адаптационными затруднениями. В течение короткого времени молодому сотруднику необходимо стать членом нового для него микросоциума, усвоить его формальную и неформальную иерархию, занять в ней «своё место», признать нормы взаимоотношений между коллегами, свойственные данному коллективу; определить для себя социальные и профессиональные перспективы в этом коллективе и начать координировать свои поступки с мнением коллег и руководителей. Одновременно специалист знакомится с конкретной административной схемой управления, воспринимает порядок принятия решений, знакомится с инструментарием и доступным набором типовых для данной организации технологий и технических решений.

Производство в современных рыночных социально-экономических условиях не может, да и не должно, обеспечивать «тепличные» условия для эффективной профессиональной адаптации молодых специалистов, поэтому необходимо, чтобы основные адаптивные механизмы личности специалиста были сформированы до